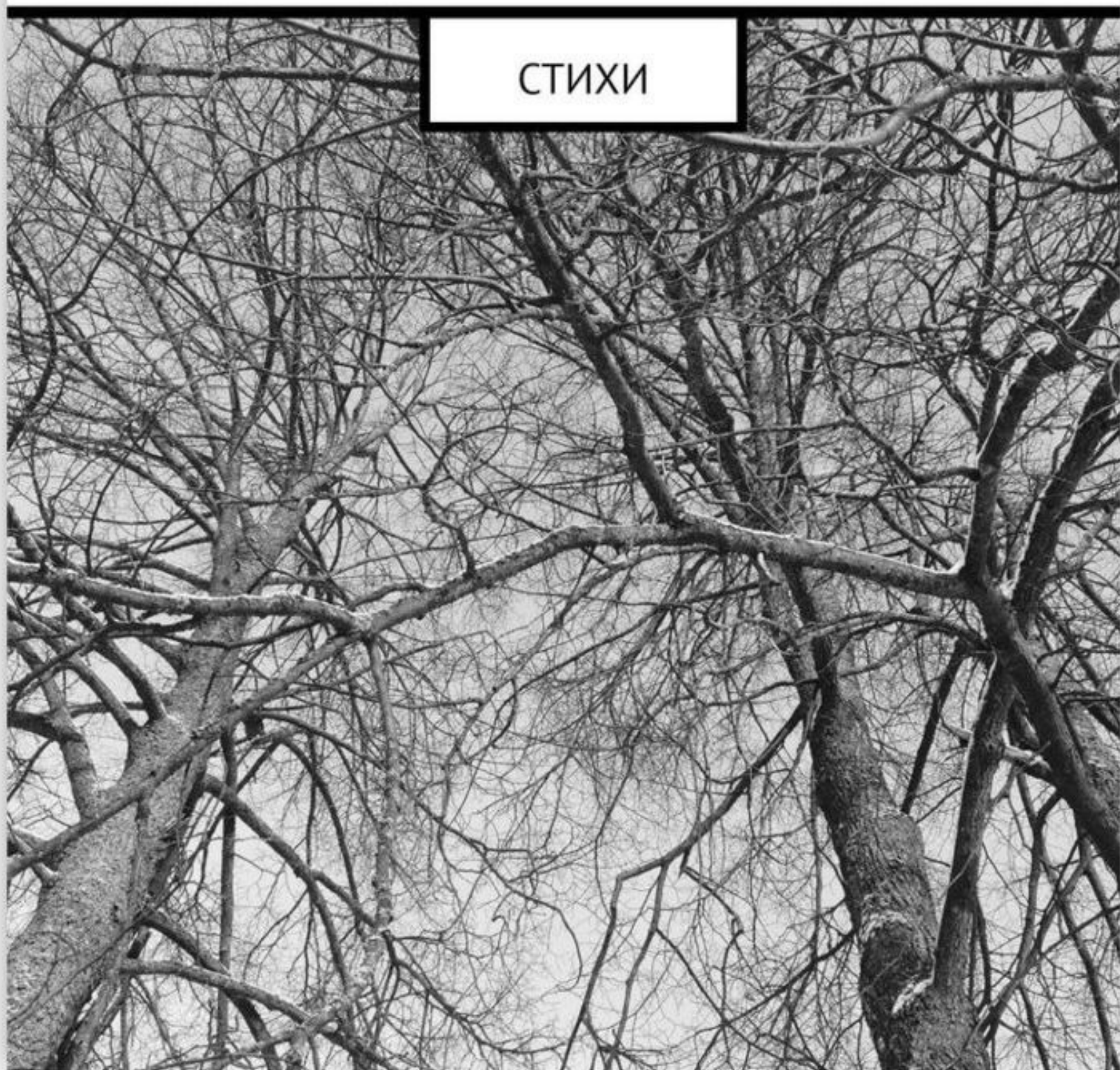

16+

ГАЛИНА МАМАЕВА

В чёрно-белых тонах

СТИХИ

Галина Мамаева

В чёрно-белых тонах. Стихи

«Издательские решения»

Мамаева Г.

В чёрно-белых тонах. Стихи / Г. Мамаева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-835772-5

Эта книга стихов будет интересна любителям «чистой лирики». Автор размышляет о непреходящем и вечном, о красоте и любви, о жизненном пути человека...

ISBN 978-5-44-835772-5

© Мамаева Г.
© Издательские решения

Содержание

«Весна – и счет пошел на дни...»	6
Зимние деревни	7
Зимний сон	8
Помолись обо мне...	9
Свет, что в детстве...	10
Останемся	11
День осенний...	12
Остров	13
«Что осень делает с душой...?..»	14
Не спеши, июнь...	15
Первое февраля	16
Не плакали и не смеялись...	17
Блюз	18
Еще рано ставить точку...	19
Маленький принц	20
«Поймешь и ты, как это происходит...»	21
Орхидея	22
«Ах, эта серость, эта сырость...»	23
На железной дороге	24
Русалка	25
Масленица	26
«Сентябрь забрал с собой остатки лета...»	27
Улыбка северного лета	28
На берегу Ла – Манша	29
Блокадница	30
Весенняя прогулка	31
Прогулка в феврале	32
Не бойся посмотреть судьбе в лицо...	33
«Зайчик не знает, что он трусоват...»	34
Тошнота	35
Июньские сумерки	36
Ода Летнему Солнцу	37
Самые короткие дни...	38
«Я вижу наяву осенний Крым ...»	39
«Кусты как – будто стали ниже...»	40
Июньские сумерки	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

В чёрно-белых тонах Стихи

Галина Мамаева

© Галина Мамаева, 2024

ISBN 978-5-4483-5772-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Весна – и счет пошел на дни...»

Весна – и счет пошел на дни,
На миги солнечных явлений,
На миллиметры прибавлений
Душистой клейкости в крови.

Мы мчимся, голову сломя,
Нырнуть в искрящееся лето,
И ясно так – мы дети света,
Звезды далекого огня!

И старость – лишь ненужный бред,
Когда найдешь в саду знакомом,
Во влажной поросли за домом
Давно потерянный предмет...

Зимние деревни

Завалила снегом по заборы
Великанша белая – зима,
Не вздохнуть, ни охнуть. Уж не скоро
Разомкнет объятия она!

Здесь и там – в полях, на косогорах,
Туго запелёнуты в снега,
На холодных северных просторах
Спят деревни, многие века

Не меняя облика и нрава
(и какой, скажите, в этом прок?),
Словно зачарованные храмы,
Время не пуская на порог.

Зимний сон

Зима, как краток день!
А был ли свет?
Лишь помню – сосны, ели
В снегу, как в саване,
И снова темнота...
Я здесь, на дне ночной метели!
Ни звука, ни звезды...
Весь мир летит в таргарары
В беззвучном вихре...
Улечу и я...
Была ли жизнь?
Была – и стала снегом.

Помолись обо мне...

Помолись обо мне, пожалуйста,
Хоть не верю в твоих богов...
Может, нужно немного жалости,
Утешающих чутких слов...

Не проси ни о чем, лишь может быть,
Чтоб поменьше ела тоска...
В полумраке свечи тревожатся,
И порхает, крестясь, рука.

Здесь, под сенью старинной каменной
Нежен хор, словно зов небес...
Постою у дверей и пойду домой
Видеть небо и слышать лес.

Не прошу ни о чем, лишь может быть,
Чтоб поменьше ела тоска...
Здесь над полем радуги множатся,
И шумит по камням река!

Свет, что в детстве...

Свет, что в детстве дается даром,
Добывается в жизни с мукой
Трудных дум, со страстей угаром,
То трудами, то серой скукой.

Видно, жизнь – «золотая» речка,
Где со дна по песчинкам детство
Добывать суждено нам вечно,
Чтоб в сиянье его согреться...

Останемся

Закат утешеньем на землю струится,
Оранжевый свет ложится на лица,
На избы и лес, холмы и дорогу...
Останемся здесь, быть может, немного
Осталось любить пространство и волю...
Останемся жить меж лесом и полем!
Нам выпадет жить привольно, богато,
Ведь золото лить не кончат закаты!
Его не отнять налогам, запретам,
И мы вспоминать не будем об этом.
Мы будем встречать оранжевый вечер,
На грядках сажать надежды на вечность —
Устойчивый сорт глубокого смысла
Для наших широт, где лето, как выстрел.
Мы будем парить над рыжим пространством
И душу лечить земным постоянством.

День осенний...

День осенний, да звон осинный,
Золотое руно берез,
Воздух сладостный, дух старинный,
Мне бы плакать, да нету слез...

Мне идти бы, да нет дороги,
В поле черные бобыли...
Но еще не кончены сроки,
И тепло идет от земли...

Вот и радость моя сверкает
В паутине поперх травы,
Вот и счастье мое витает
В окнах тающих синевы...

Остров

На вечном празднике голубизны небес
Сияет мрамор белого белей,
Элады флаг, как чудо из чудес,
Являет остров взорам кораблей.

Там есть все то, что так любимо мной:
Морской простор, величие вершин,
Тягучий мед, дары морских глубин,
Оливы древние хранят покой земной.

И хор неумолкающий цикад,
И зной мучительный, и ночи душной плен —
Все это счастье, это райский сад
Цветет в душе, не подпуская тлен.

Я не прошу у неба ни о чем...
Лишь там, где длится волн священных плеск,
Чтоб остров тот, исполненный чудес,
Подставил свое мудрое плечо...

«Что осень делает с душой...?...»

Что осень делает с душой...?
Тепло последнее и холод неизбежный,
Увядших листьев танец грустно-нежный,
И в мыслях – отрешенность и покой.

Лес пахнет сыростью, и яблоками – дом,
Почти окончены и сочтены труды,
Распахнут небу поля окоем,
Почти все сказано – лишь миг до немоты...

Не спеши, июнь...

Не спеши, июнь, не спеши!
Дай напиться воздухом снов,
Над землей еще покружи,
Над зеленым морем лесов.

Задержись хотя б на денек,
Я тебе его посвящу —
Пестрых трав сплетаю венок
И совсем – совсем не грущу.

Здесь кузнейчиковый покой,
Плеск реки, соловьи, покос,
Здесь невидимую рукой
Треплет ветер листву берез.

В этот длинный – предлинный день
Счастьем полнится голова,
И сменяет заката тень
Ночи краткая полумгла.

Зашумит, как безумный, лес,
Хлынет дождь, словно теплый душ,
Встанет радуга до небес,
Расцветив туманную глушь.

Ярким праздником просияв,
Он уйдет за грозами вслед —
Юный запах июньских трав,
Аромат невозвратных лет...

Первое февраля

Февраль не ждал ни дня и первого завьюжил,
В ночи толкнул окно и шаркал у дверей,
Ветрами задувал, в полях снега утюжил,
К утру занес лыжню и стер следы зверей.

Январского житья прогнал оцепененье,
Легко смахнув с ветвей тяжелые снега,
Толкал махины туч, творя небес смятенье,
Был самолетов гул тревожен свысока.

Освобожденный лес шумел, как дальний поезд,
Пространства мощный зов был ясен, как набат,
И окрыленной взгляд, и жизнь свежа, как повесть,
Написанная вдруг, всего лишь ночь назад.

Не плакали и не смеялись...

Не плакали и не смеялись,
Заброшенным тлели костром
В краю, где дороги кончались
Заросшим травой пустырем.

Закат из излома струится
На ветхий пустынный асфальт.
Вдруг вспомню прекрасные лица,
Глаза, устремленные вдаль.

Я видела их на портретах —
Достоинство, ум, доброта!
Прекрасные их силуэты
Излом поглотил навсегда?

Как страшно, что это не снится...
Пустынна закатная даль,
Трава по полям колосится
С названием местным Печаль.

И тихая птица Надежда
Следит с одинокой сосны,
Как мы средь просторов безбрежных
Потерянно ищем весны...

Блюз

Что со мною, мама, мама,
Птица кроткая моя?
Отчего тоска упряма —
Ядовитая змея?

В том, что роскоши не рада,
Знаю, некого винить.
С пустотой смертельной рядом,
Мама, мама, как мне жить?

Море разочарований
Мной изведано сполна,
Паруса былых желаний
Поглотила глубина.

Нет того, кто не лукавит,
Глядя ласково в лицо.
Мне несносен мир, где правит
Наглость дерзкая дельцов...

Притягательна порочность,
И обман в чести — так что ж...
Людам головы морочить,
Мама, мама, невтерпеж.

Не рыдается, не пьется,
И не сходится с ума,
Мама, мама, остается
Монастырь или сума...

Но молиться не учила
Ты, безгрешная, меня,
О хорошем говорила,
Целомудрие храня.

Между небом и землею
Как мне жить, тоску кляня?
Мама, мама, что со мною,
Птица кроткая моя...

Еще рано ставить точку...

Еще рано ставить точку, еще рано
Уходить на незаслуженный покой...
Совместимы с жизнью нажитые раны,
И осталось место после запятой.

Еще рано ставить точку, даже если
Нет надежд, и все досказаны слова,
Есть без слов мелодии и песни:
Все шумит прибой и шелестит листва.

И, когда огонь блеснет во мраке,
Может быть, опять откроет взор
Кипарисов восклицательные знаки
На страницах бесконечной книги гор!

Маленький принц

Ночь, притихшая дорога...
Город дремлет, но не спит.
Как птенец, вспорхнет с порога,
И, неслышный, полетит.

В фонарей неровном свете
Быстрым легким ветерком
На своем велосипеде —
Пара крыльев под седлом.

Он – бродяга и философ...
Ночь шуршит под колесом,
В голове полно вопросов
Без ответов – обо всем.

Оттого ему не спится
Средь манящей тишины,
Как у Маленького принца,
Звезд глаза его полны...

Ты, мой принц, умен и светел,
Все пойми – и не грусти
На единственной планете,
Что у вечности в горсти...

«Поймешь и ты, как это происходит...»

Поймешь и ты, как это происходит:
Сначала невзначай и не всерьез,
Но повторенье до ума доводит,
Что страшное, увы, уже сбылось...

И, осмотревшись в прежнем окруженье,
Вдруг осознаешь, что уже не те —
Черты миров и это отраженье,
Что видишь пред собою в темноте,

Что без тебя в грядущее уплыли,
Сверкая, золотые корабли,
Уж нет обид на то, что изменили,
Не жаль, что нет надежды у любви...

Лишь все живет в душе шальное чувство
Не пройденных дорог, и средь полей
Вдруг море зашумит..., и всей Земли искусство
Ждет постиженья глубины своей.

Хоть труден смысл, но все ж необходимо
Воздвигнуть вновь из снов, из пустоты
Пространство для тепла, но нелюдимо
В душе, и жуткий холод с высоты

Грозит обрушиться... Но осень обещала
Еще немного ярких теплых дней
Прощального природы карнавала
У пристани заброшенной моей...

Поймешь и ты, как это происходит...

Орхидея

Бабочка орхидеи
Замерла за окном —
Пленница или фея
В сумраке ледяном.

Носятся, как шальные,
Белые мотыльки...
Жаркие, золотые
Тропики далеки.

Слишком далек экватор...
Здесь же полгода так:
Даже не виноватый —
Все ж обречен на мрак.

Теплятся, чуть живые,
В замяти зимних стуж,
Нежные, кружевные
Бабочки наших душ...

«Ах, эта серость, эта сырость...»

Ах, эта серость, эта сырость,
Ноябрьский пасмурный налет
На всем, что было, всем, что снилось,
И что когда-нибудь придет.

Простудой вечною болея —
Проклятьем северных широт,
Сдавлив шарфами туже шеи,
Спешит скукоженный народ...

Но так пронзительно пространство
Над распластавшейся Невой,
Деревьев павшее убранство
Разметано по мостовой.

Их беззащитные скелеты
Черны на серой фреске дня,
И ветви к небесам воздеты,
О скудной жалости моля...

Но тем, кто верит, что не зря,
Кто не бежит от ноября —
Святого холода дыханье
Дарует мыслей высоту,
И новых истин осознанье,
И взгляд, узревший пустоту...

На железной дороге

Какая сладкая морока —
Под стук колес лежать – дремать,
Несет до Дальнего Востока
Кольшущаяся кровать.

И машинист, как ангел ночи,
Летит во тьме, а за спиной,
Как крыльев шлейф, состав грохочет
Дорогой узкой и прямой.

Его привычное бесстрашье
Безумством кажется тому,
Кто белою рукою машет
Во след гремящему крылу.

В иную жизнь, в иные веси —
Лишь стоит только захотеть,
Он не стремится в поднебесье,
Ему нужна земная твердь,

Земные запахи ночные,
На каждой станции свои,
Вокзалы, словно часовые
У бесконечной колеи.

Колес немолчные рассказы
Их вечный стук: впе-ред-впе-ред!
Дороги старая зараза
Остановиться не дает.

Вагоны длинные, стальные...
А пассажиры живы ли?
За окнами уже иные
Леса, овраги, ковыли.

Тугое ломится пространство
В приотворенное окно,
И жизни жадное упрямство
Моей душе возвращено...

Русалка

Я знаю, знаю – я всего лишь
Русалка, полу-человек.
Ну что ж, с природой не поспоришь,
И короток мой век...

Я рождена любить, и жить одной любовью,
Его глаза и руки целовать,
И ждать его шагов, и жертвовать собою,
И вновь в его объятьях воскресать.

Как чужды мне все игрища людские,
Я не ищу богатства и побед,
Мне б лишь смотреть в глаза родные
И видеть в них любви ответной свет.

Я рождена любить... Но как груба
Любовь земная, люди – как глухие...
И принцам, видно, здесь не по зубам
Любви стихии роковые.

И скоро в августе, когда туманом
Подернется поверхность вод,
Я уплыву, и вновь прозрачной стану
В том озере, где грусть русалочья живет.

Свою любовь отдам я берегам,
Высоким соснам, птицам, облакам,
Гранитным скалам, солнечным лучам...

Масленица

Это солнце весеннее
На февральском снегу,
Ждет весны, как спасения,
Все живое вокруг.

Хоть сугробы дремучие
Не спешат исчезать,
Песни самые лучшие
Нам пора запевать.

Свист синицы настойчивый
В заревой тишине...
Вот и сердце, как «отче наш»,
О весне, о весне...

Как блестят отшлифованы
Вешним солнцем поля!
Смотрит в них зачаровано
Небо, как в зеркала.

И под небом лучащимся
Снова хочется жить,
Вкруг стихии искрящейся
Хороводы водить!

Все худое предаю огню,
Все богатство – в руках,
И немного еще посплю
В необъятных снегах...

«Сентябрь забрал с собой остатки лета...»

Сентябрь забрал с собой остатки лета,
И пусто все, и холод на дворе.
Холодная роса тяжелым пледом
Лежит, не высыхая, на траве.

Навязчивой пустой скороговоркой
Бормочет дождь, то глуше, то сильнее,
И тянется рука сама за водкой
К несчастью бедной печени моей.

В моем скиту хозяйничает осень,
Помощницей печаль позвав с собой
Порядок навести к приходу госты,
Той, что зовется русской зимой,

Что бесконечностью своей на смерть похожа...
Но осень утешает: смерти нет,
И дарит день – распахнутый, погожий,
Неизъяснимый, вдохновенный свет!

Улыбка северного лета

Тропа узка, едва заметна
Среди высоких зеленей,
Купаясь головою в ветре,
Недавно кто-то шел по ней.

По ягоды крестьянин местный
С нехитрой кроткою душой,
Иль кто-то темный, неизвестный
С задачей, может быть, большой.

Встречая солнце на рассвете,
Тут пробрела семья лосей,
Дурачились, не прячась, дети,
Следы печатая на ней...

О, как загадочна примятость
Полян некошенной травы,
И грезится невероятность
Событий под покровом тьмы...

Кто там неведомый чудит,
Где брать малину нынче летом —
Лишь Шура знает все ответы,
Но взгляд отводит и молчит...

Ее расспрашивать я стала —
Все раньше было не досуг —
Кто виноват, что я устала,
Как разомкнуть порочный круг,

Куда моя исчезла радость
В круговороте мутных дней?...
Но Шура только улыбалась,
Стесняясь мудрости своей,

Улыбкой северного лета,
Где скороспелых трав атлас,
И морок раннего рассвета,
И сумерек томящий час,

Где я тропой, едва заметной,
Никем не узанна пройду,
Чтоб встретить в чаще беспросветной
Свою последнюю беду...

На берегу Ла – Манша

Нет сил, к черту все, надоело!
Пусть другие стригут барыши...
Страшно хочется просто без дела
Побродить где-нибудь для души,

Где шуршит по брусчатке старинной
Океанского ветра метла,
Вверх по улочке узкой, невинной,
Что в веках свой фасон сберегла.

Вот и берег безлюдный и мрачный,
Зелень темная на камнях,
В час отлива баркас рыбацкий
Еле тянет, застряв в волнах.

Площадь ратушная у рынка —
Нет часов, и не спешны дела...
Словно сказочная картинка,
Эта набережная мила.

Как живется в домах – игрушках,
Среди прибранных этих земель?
Бродит за городом пастушка
Под томительную свирель.

И от этой томной свирели
Мир колышется и дрожит...
Под нарядным шатром карусели
Белый конь меня закружит...

Уж отстал океанский берег,
Тянет Азия, как магнит —
Там в холодном и мрачном чреве
Настоящая жизнь кипит.

Там труднее она дается,
Там борьба на каждом шагу,
Азиатское солнце, как знамя, вьется
И закатывается в тайгу...

Блокадница

В переполненной электричке до Мельничьего ручья,
Вывозящей граждан на свободу,
Она сидит отрешенно, она – ничья,
В ее руках журнал «Юность» девяностого года,

На ее коленях корзина с кошкой,
В глазах – царственная невозмутимость...
Майский пейзаж каруселит в окошке.
Жизнь для нее – вынужденная необходимость.

В ее сосудах гордая балтийская кровь,
В серых зрачках – холод гранита,
Она помнит все, кроме своих годов,
Но жизнь, как в тумане, с тех пор, как сердце разбито...

По утрам она чувствует, что еще жива,
Хотя не знает – зачем, но следует закону.
Над головой – ослепительная синева,
Старость свою несет она, как корону.

Она не верит в загробную благодать,
Пронесла, сохранила, что было дано...
Есть внуки, и не страшно совсем умирать,
Не то, что в ту черную зиму, давным – давно...

Весенняя прогулка

Март осчастливил день голубизной,
Зашлепал город по шуге и лужам,
Мир оглушает, и слепит, и кружит,
Морочит луж обманной глубиной.

А солнце – неотвязный озорник,
Из-за углов стреляет прямо в сердце,
И выползают из щелей погреться,
Кто спал зимой и к битве не привык.

Трепещут золотые ручейки
Меж прошлогодних нечистот и грязи,
И город, откровенно безобразен,
Спускает в русло стиснутой реки

Свои грехи... Он жив, он жив вполне,
Исправно кормит нищих и безумцев
Асфальтовой едой, и здесь очнуться
Страшней в сто раз, чем умереть во сне.

И все ж он рад, как рад любой весне,
Для жителей чужой и незнакомый,
Он громоздит роскошные хоромы
И множит тесноту свою втройне.

Сам – только отсвет пламенной звезды,
Себя среди всех он возомнил звездой,
Но безобразья вечного не скроют
Витрины пышной, жадной красоты.

Он поживет еще... Его черты
Смягчатся под зеленою листвою,
И подышать отравленной Москвою
Весною на прогулку выйдешь ты...

Прогулка в феврале

На сером фоне пасмурных небес
Белее стены монастырских башен,
Неброским серебром шатер украшен,
И, снегом приедет, вокруг чернеет лес.

Как нежны тени в складках белых дюн,
Их очертанья излучают негу,
Шурша, скользят с ветвей охапки снега,
И виснут с крыш ряды прозрачных струн.

Ах, здравствуйте, сударыня сосна!
Уж снег не тот, и сумерки протяжней,
И воздух с ноткой сладости бродяжьей —
Здесь к февралю подмешана весна...

Не бойся посмотреть судьбе в лицо...

Не бойся посмотреть судьбе в лицо,
Когда почти уж нечего терять.
Осталась радость – выйти на крыльцо,
И осень пить, и осенью дышать.

Осталось лишь – любить весь белый свет
И солнечный приветствовать пробег.
Нам дети, улыбаясь, машут вслед
И так легко прощаются навек...

Их мудрость с нашей мудростью – не в такт,
И не пересечется параллель...
Осталось лишь – купаться в облаках,
Что гонит над землей сырой апрель.

Осталась утешенье – понимать,
Что происходит, и ценить покой,
И в тишине с восторгом наблюдать
Закатные зарницы над землей.

«Зайчик не знает, что он трусоват...»

Зайчик не знает, что он трусоват,
Мишка не знает, что он туповат,
Хитрый себя не считает лжецом,
Подлый себе не признается в том.

Числит скупой бережливым себя,
Плачет жестокий, по птичке скорбя,
Мальчик в войну увлеченно играет,
Мальчик не знает, что он убивает...

Тошнота

По вечерам, когда меня тошнит
от собственного бессилия и никчемности,
я вижу перед собой огромный и прекрасный мир,
беспольный, как океан для крохотного муравья,
я хочу быть бездумной улиткой,
живущей по законам природы,
я восхищаюсь их железной справедливостью,
и меня тошнит от собственного восхищения...
Зачем?

Этот вопрос уже не буравит мозг
с настойчивостью вбиваемого гвоздя,
и вокруг лишь бесконечная жизнь,
недоступная, как океан для крохотного муравья,
вдали исчезли из виду желанья,
и парус – лишь древняя мечта о мечте,
я говорю себе «спокойной ночи»,
я засыпаю, бормоча стихи вместо молитв,
Заклиная пустоту внутри...

Как просто – ходить по воде,
Как просто об этом узнать —
Когда все рушится на земле,
Лишь нужно поверить, и станет упругой
Искристая синяя гладь!

Июньские сумерки

Заката блестящие нити
Цветущий опутали луг,
В дневных завершенье событий
Над рощей возвысился звук.

Сгущаются черные тени
В пруда жутковатом глазу,
И сладостный запах сирени —
Наградой дневному труду...

Плетут утомленные руки
Извечный узор бытия,
На грани блаженства и муки
Рождается тайна твоя.

Свершается важное что-то,
Слагается жгучий ответ —
Отважный полет самолета,
В созвездиях тающий след...

Сердец одержимых отрада —
Мерцающий знак в небесах,
Оранжевый отсвет заката
В печальных и мудрых глазах...

И сумерки ласковым шелком
Вечернюю стелют постель,
Край леса щетинится волком,
Призывно кричит коростель...

Ода Летнему Солнцу

Лишь покинут приветливый берег рассветные тени,
Я приду, я ступлю на прохладный и влажный песок.
Может быть, я живу ради этих прекрасных мгновений,
Когда Солнце кошачью лапою тронет висок.

Вот сбежало с горы, осветило и вытерло слезы,
Все дворы обошло и разлило кругом благодать,
И проснулись в душе позабытые детские грезы,
И вся жизнь предо мною, как моря блестящая гладь...

Майским утром будили меня развеселые трели,
Осень в пестрых нарядах кружилась цыганкой шальной.
Но ничто не сравнится с тобой, бесподобная пери,
Мое Летнее Солнце, ничто не сравнится с тобой.

Стал горячим песок... Здравствуй, жгучее, знойное пекло,
Что растопит печаль и заставит забыть обо всем...
Нет на свете причин, чтобы Летнее Солнце поблекло,
Ведь горит бесконечный огонь в голубом, в голубом...
Все горит бесконечный огонь в голубом, в голубом...

Самые короткие дни...

Самые короткие дни —
Не кляни ты их, не кляни.
Мы пойдем по полю гулять,
Серый – серый день коротать.

Оглянись на наш косогор,
Удивись, как светел простор.
Высохшие травы черны,
Так и проторчат до весны.

По полям вороны кричат,
По опушкам ели молчат,
Над деревней нашей дымки,
Берегут уют старики.

Мы пойдем пустынной тропой,
Где бродили летом с тобой,
Не узнать тех мест, не узнать —
Будет нам о чем помолчать...

Снегом путь назад замело,
По иному быть не могло —
То предзимья грустная тень,
А на сердце – светлая лень...

Самые короткие дни...

«Я вижу наяву осенний Крым ...»

Я вижу наяву осенний Крым —
Вот горы посветтели и притихли...
На перевале молча мы стоим,
О, Боже, как глаза мои отвыкли!

Седое море далеко внизу —
Искрящийся осадок атмосферы.
Сырой дубовый дух созрел в лесу,
Но нет в душе ни радости, ни веры.

Под нами опустевший Симеиз,
Морской туман владеет побережьем.
Когда-нибудь и нам спускаться вниз,
Но только море не бывает прежним.

Порою я не верю, что живу,
Все кажется, вот только и осталось —
Осенний Крым увидеть наяву,
А что потом, мой друг, — такая малость...

«Кусты как – будто стали ниже...»

Кусты как – будто стали ниже,
Трава поникла и молчит,
И чернота в зеленом брызжет —
Ах, это август сентябрит...

Лес, посветлев, приотворился.
Он отдал все, что мог, и вот —
Щемящей грустью озарился
И, отрешенный, осень ждёт...

Так ястреб зависает над
Добычей, прежде чем упасть,
Так видишь, бросив взгляд назад,
Как пропасть разверзает пасть.

Так осень проникает в кровь,
Деянья властные верша,
Так гибнет старая любовь,
Что в душу въелась, будто ржа...

Июньские сумерки

Там сосны смотрят свысока,
Сияя золотом стволов,
На то, как тянется река,
И как ныряют облака
Меж молчаливых берегов,
На дым костра, на берега
В кайме волнистой ивняков.
Ах, эта долгая река,
Как – будто длинная рука
Протянута издалека
За горизонт, где облака
Земли касаются... По ней
Челнок трудяга – теплоходик
Туда – сюда спешит скорей,
С закатным солнцем заодно

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.